Роберт Голд
9
18+
СКРЫТЫХ ЖИЗНЕЙ
ТАЙНЫ ЛЮБЯТ ТЕМНОТУ
Бестселлер THE SUNDAY TIMES
CORPUS

Криминальный переплет

Роберт Голд

9 скрытых жизней

«Издательство АСТ»
2025

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Голд Р.

9 скрытых жизней / Р. Голд — «Издательство АСТ», 2025 — (Криминальный переплет)

ISBN 978-5-17-184159-1

Журналисту Бену Харперу предлагают помочь в расследовании нераскрытого убийства, случившегося тридцать лет назад, и он немедленно соглашается. И дело не только в том, что погибшая, Алака Джа, тоже была журналистом, а убили ее после того, как она напечатала серию статей о жертвах домашнего насилия. Харпер понимает, что Уме, дочери Алаки, нужно найти ответы на вопросы, мучающие ее всю жизнь. Но довольно скоро расследование становится опасным, и прежде всего – для Умы, потому что ее жизни начинают угрожать. Оказывается, есть тайны, хранившиеся тридцать лет, и есть люди, которые могут пролить свет на убийство Алаки.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-184159-1

© Голд Р., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Кто убил Алаку Джа? 6
1. Ума Джа 8
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Роберт Голд
9 скрытых жизней

Посвящается моей сестре Кэти.
И Памеле.

Серия «Криминальный переплет»

Robert Gold
Nine
Hidden Lives

Перевод с английского *Максима Череповского*

© Robert Gold Ltd, 2025
All rights reserved
© М. Череповский, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

Кто убил Алаку Джа?

Нераскрытая тайна убийства журналистки по-прежнему преследует жителей Хадли тридцать лет спустя.

Бен Харпер
18 сентября

Тридцать лет назад неизвестный забил до смерти журналистку “Ричмонд таймс” Алаку Джа. Дело остается нераскрытым и по сей день.

Поздно вечером в пятницу Алака остановила машину на небольшой площадке в Хадли-хилл, в двух с небольшим милях от своего дома в Ортоне. Она заглушила двигатель, вынула ключи из замка зажигания и сунула их в карман куртки. Позже полиция не обнаружила никаких механических неисправностей, но по какой-то причине Алака все же вышла из своей “ниссан микра”.

Убийца поджидал ее в лесополосе у обочины. Когда он нанес удар, Алака рухнула назад – через открытую водительскую дверь – на переднее сиденье своей машины. Она скончалась от тупых травм головы, вероятнее всего нанесенных гаечным ключом или домкратом. Несмотря на масштабные поиски, орудие убийства так и не было найдено. Сумочку обнаружили рядом с телом, ее содержимое, судя по всему, не тронули. Признаков сексуального насилия не обнаружили.

Алаке было тридцать пять. У нее остались муж, профессор Маниш Джа, и дочь Ума.

На этой неделе, в тридцатую годовщину смерти ее матери, я встретился с доктором Умой Джа в редакции “Ричмонд таймс”. Она по-прежнему ищет ответы на множество вопросов, оставшихся после гибели матери.

“Я никогда не перестану надеяться узнать правду, – сказала она мне. – После стольких лет я хочу именно сейчас добиться для мамы справедливости. Я верю, что даже спустя столько времени кто-то должен что-то знать. Тридцать лет назад им могло быть трудно решиться заговорить, но никогда не поздно поступить правильно”.

К нам присоединился Сэм Харди, редактор газеты. “Алака проработала в «Ричмонд таймс» одиннадцать лет, получила множество наград и дослужилась до старшего репортера. За год до смерти она привлекла внимание к делу Фионы Николс. Убийство бывшей служащей военно-морских сил, совершенное ее многолетним партнером Эваном Литлвудом, потрясло все наше сообщество юго-запада Лондона”.

Осужденный за убийство, Литлвуд погиб двумя годами позже в тюрьме в результате поножовщины.

“После этого дела Алаку буквально завалили душераздирающие письма от других женщин, живших в страхе перед своими партнерами, – продолжил Харди. – Когда Алака пришла ко мне и сказала, что самый опасный мужчина, с которым сталкивается женщина, – это ее муж, я был потрясен. Трагедия в том, что это так и по сей день. Алака решила посвятить свою работу женщинам, чьи мужья управляли их существованием и контролировали его. Она дала голос тем, чья жизнь проходила в молчании и страхе”.

Алака провела серию анонимных интервью с женщинами, страдавшими от насилия и принуждающего контроля со стороны партнеров. Ее статьи привлекли внимание читателей по всей стране. В день своего убийства она провела еще одно – последнее – интервью с неизвестной женщиной из Хадли.

Ума Джа призывает всех, у кого есть хоть какая-то информация, откликнуться. Не вернулся ли в тот вечер кто-то из членов вашей семьи домой неожиданно поздно? Или, возможно,

ваш друг выглядел растрепанным и рассеянным? Важна каждая мелочь – любая деталь может помочь пролить свет на дело, которое ставит полицию в тупик уже тридцать лет.

“Меня ужасает мысль, что мама, возможно, пожертвовала собой, пытаясь помочь другим женщинам”, – сказала Ума Джа. Прожив значительную часть взрослой жизни вдали от Юго-Западного Лондона, доктор Джа вернулась вместе с мужем, Эдвардом, в начале прошлого года, чтобы ухаживать за больным отцом. “То, что я росла без матери, невероятно сильно на меня повлияло. Ее убийство тридцать лет назад затронуло не только меня, но и бесчисленное множество других людей. Снова и снова я спрашиваю себя, не скрывал ли свидетель последние три десятилетия – сознательно или неосознанно – личность убийцы моей матери. Эта мысль до сих пор мучает меня почти каждый день. Я уверена, что этот секрет терзает и других”.

1. Ума Джа

“Уме казалось, будто для него ничего не существовало за пределами кабинета – даже ее самой”.

Она стояла перед зеркалом в ванной, прижав пальцы к легким морщинкам, которые в последнее время появились в уголках глаз. В следующем месяце ей исполнится тридцать пять – столько же было ее матери, когда та погибла. Были ли у нее такие морщинки? У Умы никак не получалось вспомнить. Отец мог бы знать, и будь Маниш Джа другим отцом, Ума, возможно, спросила бы его. На протяжении всего ее детства Маниш едва произносил имя жены. Поглощенный горем, он ушел в академический мир, где находил единственное утешение. Уме казалось, будто для него ничего не существовало за пределами кабинета – даже ее самой. Единственную отдушину ей давало время, проведенное с тетей Хемой: она помогала той растить своих двух младших двоюродных братьев.

Ума отвернулась от зеркала и прошла в спальню. Под нижним краем оконных жалюзи был спрятан золотой ключ, которым заводились ее изящные старинные часы. Каждое утро она совершала этот ритуал – семь оборотов, пока часы не будут полностью заведены. Эта семейная реликвия, ярко раскрашенная, с расписанным вручную циферблатом была подарком от тети после свадьбы прошлым летом. К часам не прилагалось записки – вообще ни единого иного слова по поводу церемонии, на которую тетю Хему не пригласили. После десяти лет вместе ни Ума, ни Эдвард не хотели пышного торжества. Из родственников она пригласила только отца. Стоило ей тогда на мгновение задуматься о более крупном празднике, сама мысль о вечеринке с тетями, дядями, двоюродными братьями и сестрами и их многочисленным потомством ее ужаснула. Через неделю после того, как подарок пришел, она написала тете письмо от руки, но за прошедший год больше ничего от нее не получала.

Живя вдали от Лондона, было легко забыть о прошлом – о детстве, о семье, о гибели матери. В восемнадцать Ума сбежала из родного города. Отучившись в Эдинбурге, она два года проработала врачом в частной клинике в горной Шотландии. Вместе с Эдвардом она переехала в его родной Лимингтон. Но затем, в начале прошлого года, пришел диагноз – у ее отца рак, и семейная преданность Умы оказалась удивительно сильной.

Она перекатывала в ладони маленький золотой ключ. Вернувшись в Лондон, чтобы ухаживать за отцом, она пыталась постепенно заполнять пропасть в их отношениях. Одновременно в ней появилась новая решимость – взглянуть в лицо всему, что было раньше. А вместе с этим пришло острое желание докопаться до правды о гибели матери – какой бы эта правда ни оказалась и что бы она для нее ни значила.

Пятница

Глава 1

– Тебе не кажется, что было бы проще пойти в твой кабинет? – спрашивает Сэм, перегнувшись через мое плечо; мы сидим за моим маленьким кухонным островом.

Я поднимаю глаза от ноутбука, но ничего не отвечаю.

– Никто не ждет от тебя технических подвигов, Бен, – продолжает он.

На старом диване у дальней стены смеется моя девушка Дэни.

– Отстань от него, Сэм. Он старается.

– Я вполне способен загрузить статью на сайт.

– Как знаешь. Не хочется, чтобы что-нибудь пошло не так в твою смену.

Следующие две недели я буду руководить крупнейшим новостным сайтом Великобритании. На прошлой неделе моя начальница и дочь Сэма, Мадлен Уилсон, легла на лечение в клинику Прайори. Выпив за день целую бутылку японского виски “Ямадзаки”, она поняла, что ее жизнь стремительно катится под откос. Уходя, предупредила меня не слишком привыкать к креслу начальника.

После того как стало приходиться днями, а то и ночами напролет держать в голове кучу дедлайнов, я уже понял, что насчет этого она может не беспокоиться. А с учетом того, что Дэни вот-вот должна родить нашего первенца, я уже считаю дни до момента, когда смогу отдать бразды правления.

– Не переживай, все под контролем.

Я ввожу пароль, загружаю статью и нажимаю “опубликовать”.

– Посмотри в телефон, – говорю я Сэму, – статья уже вышла.

– Уже? – отвечает он, обновляя экран. – И правда, вот она. Ты просто чудо.

– Когда начальник – ты, все происходит очень быстро.

Дэни снова смеется.

– Сэм, только не дай власти ударить ему в голову.

– Да, смотри, вот она, – говорит тот, поднимая телефон и протягивая его ей.

– Первый материал “Ричмонд таймс” для мировой аудитории, – замечает она.

Сэм – владелец и главный редактор нашей местной газеты, и этот пост он занимает уже больше сорока лет. Он журналист старой школы, и его стремление рассказать самую лучшую историю за это время ничуть не ослабло.

– У нас вообще-то есть свой сайт, – говорит он Дэни.

– Конечно, – отвечает она, бросив взгляд в мою сторону, – но это первая статья “Ричмонд таймс” на сайте Мадлен.

Он улыбается Дэни и шепчет достаточно громко, чтобы я услышал:

– Не считаю журналистикой что-то, что нельзя подержать в руках. Статья хорошая, спору нет, но начать свою жизнь она точно должна была в печати.

Два дня назад я написал для первой полосы “Ричмонд таймс” материал об убийстве ведущей журналистки газеты, Алаки Джа. Три месяца назад дочь Алаки, Ума Джа, связалась с Сэмом и попросила того помочь использовать тридцатую годовщину смерти ее матери как повод поискать новые улики по делу. Сэм, который всегда утверждал, что однажды докопается до правды о том, что случилось с его близкой коллегой и подругой, согласился. Он попросил меня о помощи, и я, как главный журналист-расследователь нашего новостного сайта, с готовностью принял этот вызов. За последние недели я провел много часов с Умой и понял, насколько твердо та намерена добиться справедливости для своей матери, и теперь разделяю их с Сэмом стремление раскрыть правду. Мы надеемся, что публикация статьи – сначала в “Ричмонд таймс”, а теперь и на нашем сайте для мировой аудитории – поможет найти новых свидетелей преступления.

– “Хорошая” – и только? – спрашиваю я у Сэма.

Тот поднимает руки.

– Очень даже неплохая, это я признаю, но давай посмотрим, какой отклик она вызовет. Мадлен считает, что реакция может пойти почти сразу после публикации.

– Да что ты?

Он устраивается на подлокотнике дивана.

– Может быть, я упомянул о статье вчера вечером, когда навещал ее. Просто вскользь, не более того, – уверяет он меня.

– Ты знаешь правила: никаких разговоров с Мадлен о работе. Ты ходишь к ней, чтобы поддержать ее как член семьи, а не обсуждать новости.

Шесть месяцев назад Мадлен оказалась в руках жестокого похитителя, который держал ее в заложницах больше трех суток. Все это время мы с Сэмом отчаянно пытались ее освободить. После побега, несмотря на первоначальную браваду, в ее жизнь просочились страх и неуверенность; алкоголь стал для нее единственным способом справляться с реальностью. И хотя он никогда в этом не признается, страдания дочери сказались и на Сэме. Он начал сбавлять обороты. Ему семьдесят пять, он по-прежнему живет своей работой, но я вижу, как она теперь его выматывает. И все же отступать он не намерен.

– Мадди любит быть в курсе событий, – говорит он. – Она живет работой.

– Не она одна, – отвечаю я.

В этот момент Дэни закрывает глаза и морщится. Повернувшись на бок, она прижимает ладонь к пояснице. Я вскакиваю на ноги.

– Давай принесу тебе еще подушку.

Она отмахивается.

– Пару раз пнул, не больше. Сейчас малыш успокоится.

– Да, перестань суетиться, Бен, – добавляет Сэм, подмигнув.

– Даже не пытайся сменить тему.

С родным отцом я не общаюсь сколько себя помню, и постепенно начал Сэма воспринимать как отца. Больше десяти лет назад он дал мне первую работу, и с тех пор мы дружим. Пока Мадлен нет, кажется, мне предстоит за ним присматривать.

– Легко тебе говорить – никаких разговоров о работе, – говорит он, – а мне что делать, когда Мадлен начинает допытываться, что происходит?

– Скажи ей, что у Бена все под контролем, – отвечает Дэни.

– Рад, что хоть кто-то в меня верит.

В дверь нашего дома стучат.

– Я открою, – говорит Дэни, поднимаясь на ноги. Наш первый ребенок должен был родиться еще два дня назад. Хотя мы оба одинаково и нервничаем, и радуемся, Дэни уже ждет не дождется появления малыша.

– Мне нужно размять спину, – добавляет она, пересекая кухню, а Сэм идет следом.

– А ты куда? – спрашиваю я его.

– Пошли, ты тоже, – отвечает он с озорным блеском в глазах. – Подозреваю, это может касаться вас обоих.

Дэни открывает входную дверь, и на пороге нас встречает водитель Мадлен, Влад. Сэм легонько толкает меня локтем в бок.

– Мадди сказала, что я могу пользоваться его услугами, когда захочу; иначе он бы целыми днями сидел дома, играл в “Марио карт” или таксовал в убере.

Влад заносит в прихожую новую блестящую медицинскую коляску. Потом снова выходит и возвращается уже с люлькой, автокреслом и даже рюкзаком в тон.

– Это от нас обоих, – говорит Сэм. – От меня и Мадлен. В основном, конечно, платила она, но, с другой стороны, ей и по карману.

Дэни обнимает Сэма и целует его в щеку.

– Это слишком щедро, но спасибо.

Когда тот отстраняется, я обнимаю его за плечи.

– Не стоило, правда, вам обоим, но обними от меня Мадлен.

Он отворачивается, проводя рукой по глазам.

– Это самое малое, что мы могли сделать. Без тебя ее бы сегодня здесь не было.

Я уношу коробки на кухню, а Сэм снова утыкается в телефон.

– Как думаешь, когда появятся комментарии?

– Я выложил статью всего пять минут назад.

– Каждый раз, когда я вижу Мадди, она говорит, что у нее больше тридцати миллионов читателей.

– Так и есть, но это не значит, что все они читают каждую статью в ту же секунду, как она выходит.

Плечи Сэма опускаются, и он убирает телефон в карман. Все эти тридцать лет он поддерживал связь с Умой. Я знаю, как много это для него значит.

– Скоро что-нибудь появится, – успокаиваю я его, – дай срок. Мы все хотим узнать, что случилось, но никаких гарантий нет. Вокруг полно сумасшедших конспирологов. Не исключено, что эта статья просто заставит их повылезать наружу.

Сэм медленно кивает.

– Главное, что мы попытаемся. Я должен это Уме. И Алаке.

Глава 2

Ума подставила лицо под яркое солнце, заливавшее небо над мостом Хадли. Впереди утренние гребцы несли лодки к воде по дорожке вдоль набережной, а от маленького пирса Хадли катера отвозили пассажиров по Темзе в лондонский Сити. Напротив огражденного воротами входа на пирс находилось кафе “Боутхаус”. Ума смотрела, как бариста протянул чашку дымящегося кофе и шоколадный маффин мужчине, стоявшему первым в очереди.

– Здоровый завтрак, – прокомментировала она, подойдя сзади и слегка коснувшись его руки.

– Ума! – Ее младший кузен Динеш обернулся и улыбнулся ей.

– Съешь таких слишком много – и девушки тебя разлюбят.

– У меня едва хватает времени, чтобы они вообще меня полюбили. Я работаю по четырнадцать часов в день.

Она рассмеялась.

– А ты что, думал, твой банк в Сити будет платить тебе бешеную зарплату и не потребует ее отрабатывать?

– Я даже в субботу работал.

– Добро пожаловать в клуб.

Они подошли к самой воде и уставились на ту сторону реки.

– Рада тебя видеть, – сказала она.

– И я тебя.

– Ты уже переехал в свое жилье?

– Две недели назад.

– Мой маленький кузен стал совсем взрослым.

– Мама все равно будет приходить раз в неделю и убираться у меня.

– Почему я не удивлена?

– Так мне не придется платить уборщице.

Она шлепнула его по руке.

– Ты совсем обнаглел.

Кузен отпил кофе.

– Спасибо за сообщение, – продолжила она.

Два дня назад, в годовщину смерти ее матери, добрые слова Динеша были единственными, которые она получила от кого-либо из семьи. Поняв, как сильно скучает по нему, она ответила и предложила встретиться.

– Я ж не совсем бессердечный, – ответил он.

– Я этого и не говорила. На мое шестнадцатилетие ты сделал мне ожерелье из золотых бусин своей мамы.

– Мне было всего шесть, но, по-моему, она до сих пор мне это не простила.

– А ожерелье у меня до сих пор лежит.

Он отломил кусочек маффина.

– Почему ты не дала о себе знать, когда вернулась в Лондон?

– У твоего дяди Маниша было неважно со здоровьем, плюс работа, и мы с Эдвардом все еще ведем бизнес в Лимингтоне, каждую неделю мотаемся туда-сюда по трассе…

Она оправдывалась. По взгляду Динеша было видно: он именно так и подумал.

– Как твоя мама?

– Все суетится.

– Ты сказал ей, что я вернулась?

– Она до сих пор каждую неделю покупает местную газету.

Ума поняла, что ее тетя наверняка прочитала статью Бена Харпера, вышедшую два дня назад.

– Поэтому ты и вспомнил дату? – спросила она.

– Нет, – ответил он, – хотя, возможно, это немного освежило мне память.

Он протянул ей кусочек маффина, но она отказалась жестом.

– Ума, зачем? Не лучше ли оставить все как есть? Тетя Алака умерла еще до моего рождения.

– Она все равно моя мама. Вот ты же близок с тетей Хемой. Что бы ты чувствовал, если бы речь шла о ней?

– Но то, что эту историю снова вынесут на первую полосу “Ричмонд таймс”, никому не поможет.

– Это ты или твой отец в тебе говорит?

Динеш отвернулся и взглянул куда-то вниз по течению реки. Ума вздохнула.

– Ладно, прости.

Все ее детство взгляды ее дяди Ракеша казались ей удушающе традиционными. Из всех ее кузенов только Динеш ее в этом понимал.

– Мама была бы рада тебя увидеть, хоть ты и не пригласила ее на свадьбу. Она ни за что не признается, но она скучает по тебе. Ей было бы приятно время от времени встречаться с другой женщиной.

– Передай ей, что я ее люблю.

– Ей бы от тебя самой это услышать.

– Знаю, – тихо ответила она. – Может быть, со временем.

Пока они наматывали круги по дорожке вдоль набережной, Динеш напомнил Уме, как много лет назад его мама затащила их обоих на “Звуки музыки” в лондонском Вест-Энде. Ума рассмеялась.

– Я тогда была шестнадцатилетней крутышкой, и это было последнее, чего мне хотелось. Весь день дулась.

Воспоминания о детстве были безопасной темой. Ума вспомнила, как бегом неслась покупать сингл победителя “Икс-фактора”, а Динеш поежился, вспомнив, как танцевал под “Амарилло” Питера Кэя. Она коротко расспросила его о братьях, а Динеш выразил надежду скоро познакомиться с ее мужем. Оба избегали любых дальнейших разговоров о его родителях – или о ее.

– Ну ладно, я пойду, – сказал Динеш, когда они вернулись к пирсу.

Он наклонился и коротко обнял Уму.

– Рада тебя видеть, – ответила она. – Давай постараемся не пропадать.

Она стояла и смотрела, как он бегом спускается по настилу к лодке. Он сел сзади, и издалека она едва разглядела, как он достает остатки маффина из бумажного пакета. Он всегда был сладкоежкой. Когда он был еще малышом, она кормила его шоколадным муссом, и он вопил, пока ему не позволяли вылизать тарелку дочиста. Она помахала ему, но он ее не увидел.

Глава 3

– Синий контейнер – для картона, – кричу я Сэму.

Тот стоит в узком переулке за задней дверью моего дома и запихивает расплющенные коробки от своих подарков в мусор.

– Ты же не всерьез думаешь, что они там действительно все сортируют? – отвечает он, вернувшись на кухню и закрыв дверь. Он взбирается на высокий табурет у островка и не слишком уверенно на нем устраивается. – В конце концов все свозят на одну и ту же свалку. Я делал об этом материал несколько лет назад.

– Как скажешь, – отвечаю я, вскинув брови. – Может, после твоего разоблачения что-то изменилось.

Он смеется.

– Ты бы удивился, как далеко простирается мое влияние.

– Во сколько ты сказал Уме прийти? – спрашиваю я.

Он смотрит на часы.

– Я думал, она уже здесь. Я сказал, чтобы она приходила прямо с утра, тогда она была бы уже тут к моменту публикации статьи. Не ожидал, что ты окажешься таким компьютерным гением.

– Почему бы тебе не написать ей?

– В смысле, эсэмэску?

– Да, в смысле эсэмэску, – отвечаю я, ополаскивая наши кофейные чашки, а потом ухожу в гостиную.

– Ты как? – спрашиваю я Дэни, вытянувшуюся на нашем новом большом угловом диване с мягкими подушками.

– Если бы не спина, я бы сейчас колесом ходила.

Я ложусь рядом и беру ее за руку.

– Ты, я и наша собственная семья, – тихо говорю я. – Можешь поверить, что через неделю в этом доме нас будет уже трое?

Она снова ерзает.

– Я, блин, надеюсь, что всего через неделю, и если Сэм не перестанет к нам таскаться, то нас будет четверо.

– Тс-с, – шикаю я. – Он скучает по Мадлен.

– Они виделись только вчера вечером.

– Он за нее переживает.

– Знаю, – отвечает Дани. – Ей повезло, что он у нее есть.

Отец Дэни, Джек, умер три года назад, и она часто его вспоминает. Он растил ее один, и ей отчаянно жаль, что он не дожил до своего первого внука.

– Ты своему написал отцу? – спрашивает она.

Я кладу голову ей на плечо.

– Может, когда ребенок уже родится. Сейчас мне не до него.

– Он может тебя удивить.

– Сомневаюсь, – отвечаю я.

Отец ушел из дома, когда мне было всего три. За прошедшие с тех пор тридцать лет я могу пересчитать все наши встречи по пальцам одной руки.

– Сэм мне куда больший отец, чем он когда-либо был.

Дэни проводит пальцами по моему загривку.

– Это не значит, что ты не можешь попробовать выстроить с ним отношения. Малышу он будет единственным дедушкой.

Я слышу Сэма в коридоре.

– Может, со временем, – отвечаю я Дэни и целую ее в щеку.

– Что тут у вас происходит? – интересуется Сэм, входя в комнату.

Он останавливается у окна.

– Что-то я не уверен, что лежание на диване можно считать подменой Мадди.

– Когда я просто курирую редакционные материалы, у меня куда больше свободы, чем когда я пишу собственные статьи.

Сэм выглядывает на Хадли-коммон.

– Через две минуты будет здесь.

Дэни толкает меня локтем в бок.

– Кто? – одними губами спрашивает она.

– Ума Джа, – шепчу я.

Дэни тут же выпрямляется и сталкивает меня с дивана.

– Ты чего?

– Доктор Джа велела мне быть активной. Не хочу, чтобы она застала меня развалившейся на диване.

Переехав ко мне полгода назад, Дэни прикрепилась к сельской амбулатории в Сент-Марнеме, до которой было всего двадцать минут пешком, и Ума Джа помогала ей благополучно пройти беременность.

– Она пришла. Я открою, – говорит Сэм и спешит в прихожую.

– Давно он ее знает? – тихо спрашивает Дэни.

– Практически с самого ее рождения. Если верить ему, Алака приносила Уму в редакцию, когда той было всего несколько недель.

– Надо думать, с отпусками по уходу за детьми тогда было так себе?

– Уж под началом Сэма точно. Через пару месяцев после рождения Умы Алака уже снова писала материалы для первых полос.

– Сразу говорю: я через каких-то пару месяцев в участок точно не вернусь.

Недавно получив повышение до детектива-сержанта в полиции Хадли, Дэни уже сообщила старшему офицеру участка, что не собирается появляться на работе следующие двенадцать месяцев.

Мы слышим, как Сэм выходит наружу.

– Я не зайду, – говорит Ума, когда он ее приветствует.

Дэни встает и вместе со мной выходит в палисадник перед домом.

– Все хорошо? – спрашивает Ума, увидев Дэни.

– Все еще ждем, – отвечает та, – но в целом все нормально.

– Статья уже опубликована на сайте, – говорит ей Сэм, перебивая Дэни, и с воодушевлением хватается за телефон – показать Уме публикацию.

– Точно не зайдете? – говорю я.

– Нет, я возвращаюсь в Сент-Марнем и остановилась только потому, что обещала Сэму заехать.

– Смотри, – говорит тот, не слушая наш разговор, – уже сто тридцать два комментария.

Мы стоим рядом, пока Сэм листает страницу вниз. Почти каждый комментарий – это слова сочувствия.

– Это все от чистого сердца, конечно, но одним сочувствием это преступление не раскрыть, – говорит Сэм.

Я встречаюсь взглядом с Умой.

– Уверена, все хотят как лучше, – добавляет она.

– Я и не говорю, что это не так, но…

– Мы все знали, что это может занять время, – говорю я. – Нужно набраться терпения. Я уверен, кто-то знает что-то, что поможет нам понять, почему Алака остановилась на Хадли-хилл в тот пятничный вечер.

Уходя из нашего сада, Ума говорит, что сегодня у нее в амбулатории весь день расписан.

– А ближе к вечеру у меня еще пара выездов. Если будете дома, постараюсь заскочить.

– Было бы здорово, – отвечает Дэни, – если, конечно, к тому времени у меня не начнутся схватки.

– Обещаю, ждать осталось недолго.

Мы с Дэни стоим рядом с Сэмом у края Хадли-коммон и смотрим, как Ума идет обратно к тропе вдоль реки. Когда она скрывается из виду, Сэм отступает назад и присаживается на садовую стенку. Дэни устраивается с ним рядом.

– Ты всегда поддерживал связь с доктором Джа? – спрашивает она.

– Всегда, – отвечает он. – Ну, в некоторые годы все ограничивалось разве что открыткой на день рождения и подарком к праздникам, но я никогда не забывал. Каждый год в годовщину смерти ее матери я посылаю Уме букет розовых гвоздик.

– Это очень трогательно.

Дэни сжимает его руку.

– Мне правда нужна почти что не меньше, чем ей.

– Не вини себя, Сэм.

– Не могу. В день убийства, ближе к вечеру, где-то после пяти, Алака позвонила мне домой. Я ее оборвал, сказал, что слишком занят чем-то, казавшимся мне тогда куда более важным. Сейчас я уже и не вспомню, чем именно. Надо было ее выслушать, но вместо этого я попросил ее перезвонить вечером, сказал, что тогда у меня будет время поговорить. Конечно, она уже не позвонила. Она была мертва.

Глава 4

Проходя мимо главной улицы Сент-Марнема, Ума свернула с набережной и вышла на узкий тротуар, тянувшийся вдоль прибрежной дороги. Она прошла под железнодорожным мостом и отступила в сторону, пропуская молодую мать с детской коляской. Ума улыбнулась женщине, и та в ответ одними губами ее поблагодарила. Ума тем временем полезла в карман за ключами от машины. Она собиралась доехать от своей квартиры до амбулатории – это занимало всего три минуты, – чтобы, приняв последнего пациента, сразу отправиться по вызовам. Но в кармане ничего не было. Ума тихо выругалась. Должно быть, оставила ключ дома.

Уже собираясь повернуть назад, она машинально взглянула через дорогу и заметила на деревянной скамейке у набережной молодую пару. Оба были в черных анораках с капюшонами, и Уме первым делом подумалось, как же им, наверное, жарко в такой прекрасный солнечный день. Она увидела, как женщина потянулась к мужчине и ткнула пальцем ему в грудь. В ответ тот поднял руку. Ума снова остановилась, раздумывая, не перейти ли дорогу, но тут мужчина повернулся к женщине спиной.

Ума вышла из-под моста и быстрым шагом пошла по тротуару, пока не дошла до своего дома – георгианского жилого дома с видом на Темзу. Она толкнула небольшую кованую калитку и, подойдя ко входу, наклонилась к цветочному горшку – подобрать смятую пивную банку, брошенную каким-то неряхой-прохожим. Открывая дверь, она снова обернулась взглянуть на пару на набережной. Мужчина перегнулся через скамейку и резким движением сдернул с женщины капюшон. Та оттолкнула его руку и тоже отвернулась.

Поднимаясь в древнем лифте на свой пятый этаж, Ума все возвращалась мыслями к этой паре на скамейке. Она вспомнила, как сама сидела на этой самой скамейке со своим мужем, Эдвардом. Всего две недели назад, ленивым воскресным утром, они с удовольствием пили кофе в лучах позднего летнего солнца. На прошлой неделе там сидели отец с маленьким сыном и смотрели, как по реке мчатся гребные команды. На следующий день она видела там пожилую пару, все еще державшуюся за руки после пятидесяти лет вместе – они просто коротали там время, – а вчера на скамейке в одиночестве сидела женщина, погруженная в свои мысли. Сколько разных жизней, должно быть, видит эта скамейка…

Ума забежала в квартиру, схватила ключ от машины и успела снова спуститься на лифте вниз, прежде чем старая кабина успела уползти. Снаружи у ближайшей круговой развязки уже скапливался транспорт. Она пошла по тротуару прочь от деревни, но, когда поток машин на миг поредел, остановилась. Женщина стояла у скамейки и что-то кричала мужчине; ее капюшон теперь был опущен. Из-за шума машин Ума не могла разобрать ни слова, но, увидев ее без капюшона, сразу узнала. Хотя Шерил Генри и не была ее пациенткой, Ума не раз пыталась ей помочь. Только в прошлом месяце она устроила ее в местную программу реабилитации для наркозависимых. Однако организатор программы потом позвонил и сообщил, что Шерил перестала приходить уже после первой встречи.

Мужчина натянул свой капюшон еще ниже, поднялся со скамейки и повернулся к Шерил спиной. Он зашагал прочь, но Шерил бросилась за ним и схватила за руку. Он резко обернулся, и в тот же миг она размахнулась правой рукой и со всей силы ударила его по лицу. Ума невольно поморщилась, увидев, как мужчина попятился, прижав ладонь ко рту. Шерил не стала ждать ответной реакции – она развернулась и поспешила прочь.

– Ах ты, сука гребаная! – заорал он, и его злой голос перекрыл даже шум машин.

Не обращая на него внимания, Шерил продолжала идти в сторону главной улицы Сент-Марнема. Ума замерла, опасаясь, что он кинется за ней, но вместо этого мужчина развернулся в другую сторону и тяжело зашагал по дорожке вдоль реки.

Ума взглянула на часы и поняла, что рискует опоздать на прием, поэтому свернула в боковой переулок, где жители вечно воевали за немногочисленные парковочные места, закрепленные за домом. Но когда она достала ключ от машины, внезапное покалывание в затылке заставило ее оглянуться через плечо. С дорожки на набережной мужчина, все еще прижимая руку к щеке, смотрел прямо на нее. Он что, следил за ней?

Она поспешила дальше и не оглядывалась, пока не дошла до машины. Нажимая кнопку разблокировки, она снова посмотрела в сторону реки. Мужчина исчез. Ума шумно выдохнула и скользнула в салон. И только когда нажала кнопку запуска двигателя, заметила записку, зажатую под дворником. “Да ладно, опять из-за парковки?” – подумала она, прежде чем снова выбраться из машины. Она вытащила записку из-под щетки стеклоочистителя и развернула ее.

перестань задавать вопросы, пока еще можешь.
не повторяй ошибку своей матери.

Глава 5

Памела Катберт стояла у цветочного ларька с видом на пруд Сент-Марнема. Она улыбнулась цветочнице, ловко перевязывавшей букет ярко-красных роз, пока рядом нервно расхаживал немолодой мужчина в джинсах на размер меньше, чем нужно. Памела заметила, как он нетерпеливо посмотрел на часы.

– Одну минутку, – крикнула ей из-за прилавка цветочница.

– Не спешите. Я никуда не тороплюсь, – ответила Памела, вдыхая насыщенные цветочные ароматы.

Она медленно обошла ларек, любуясь поздними летними цветами.

– Какая эффектная композиция, – сказала она, когда цветочница обернула букет огромным бантом.

– Это для моей матери, – тут же отозвался мужчина.

Он положил на прилавок две двадцатифунтовые купюры и схватил цветы.

– Так необычно в наши дни видеть наличные, – заметила Памела, когда мужчина протиснулся мимо нее.

Тот не ответил и быстрым шагом направился в сторону деревни. Из висевшей на его плече сумки торчало горлышко бутылки шампанского. Какими же мужчины порой бывают дураками.

Она снова повернулась к цветочнице.

– Эти розовые георгины просто прелесть. Не могли бы вы сделать мне небольшой букетик, всего полдюжины?

Через две минуты Памела положила цветы в шоппер и перешла дорогу. Яркое послеполуденное солнце отражалось в пруду. Небольшая группа детей выбежала из местной начальной школы, и Памела смотрела, как они гоняют по берегу стайку грузных уток. Она взглянула на часы. До приема у врача оставалось всего пять минут, и она велела себе не задерживаться.

Амбулатория находилась на другой стороне пруда, и, подходя ко входу, она ненадолго остановилась, пропуская поворачивающую маленькую синюю машину. Внимание Памелы привлекла женщина в черном анораке и рваных джинсах, прислонившаяся к выбеленной стене, тянувшейся вдоль парковки перед амбулаторией. Памела подозревала, что дыры на одежде женщины вовсе не были данью моде. Заметив, что Памела смотрит в ее сторону, та натянула капюшон, скрывая лицо, несмотря на теплое послеполуденное солнце.

Кроме мужчины, приехавшего на синей машине, в зале ожидания никого не было. Памела выбрала место у открытой двери, откуда хорошо была видна стойка регистрации. Ей не хотелось упустить возможность поздороваться с кем-нибудь из знакомых. Дорогу от ее дома на Хадли-хилл, мимо лодочных сараев и по извилистой тропинке вдоль реки, она проходила сотни раз за свою жизнь.

Когда-то на это у нее уходило чуть больше получаса, теперь же – почти час. Ей было уже семьдесят пять. Стопы болели, лодыжки отекали, а шишки на руках воспалялись чуть ли не через день. Но она говорила себе, что ей еще повезло – она по-прежнему способна наслаждаться прогулкой. И она знала, что доктор Джа будет довольна тем, что она не бросает физическую активность.

Памела услышала, как распахнулась входная дверь амбулатории, и, слегка подавшись вперед, увидела в вестибюле женщину в черном анораке. Сняв капюшон, та огляделась и, не увидев никого за стойкой, нерешительно подошла к электронному терминалу регистрации. Там нужно было ввести дату рождения, почтовый индекс и время приема, и в первый раз, когда Памела пользовалась этим экраном, ей пришлось просить помощи. А помощь, как она знала, приходила только после звонка в колокольчик на стойке. Она потерла заднюю поверхность

ноги. Ишиас снова давал о себе знать. Она упомянет об этом доктору Джа, но только вскользь, потому что та наверняка спросит, делает ли она упражнения на растяжку спины. Потом она упомянет узелки на ладонях. Осматривая их раньше, доктор Джа сказала, что стоит подумать об инъекции стероидов или даже об операции, но Памела не считала, что стало хуже. Хотя пускай посмотрит еще раз – хуже не будет. Со стороны стойки регистрации доносились все более раздраженные тычки по экрану. Памела не любила глазеть, но, посмотрев в ту сторону, увидела, что женщина так и не смогла пройти дальше первого экрана. Памела начала сомневаться в том, что у той вообще есть запись.

Главная причина, по которой сама Памела записалась к доктору Джа, заключалась в том, что в начале недели она прочла в местной газете: исполнилось тридцать лет, как убили мать доктора. Последние двенадцать месяцев доктор Джа относилась к ней с редким сочувствием и заботой. Когда Памела провела четыре недели под арестом до суда, храня последнюю тайну своей дочери Джинни, доктор Джа была одной из первых, кто навестил ее. Доброта, которую она проявила к Памеле, казалась куда большей, чем поддержка, полученная ею от многих так называемых друзей. Памела слишком хорошо представляла, как тяжело сейчас доктору Джа. Этот прием давал ей возможность сказать доктору, как много она о ней думает.

Женщина ударила ладонью по экрану регистрации. Памела резко выпрямилась. Женщина ударила по экрану снова, а потом, явно почувствовав на себе взгляд Памелы, повернулась в ее сторону. Памела быстро опустила глаза в телефон. Через мгновение, чуть сдвинувшись, она увидела, как женщина резко зашагала к пустой стойке регистрации. Секундой позже зал ожидания огласили несколько дребезжащих звонков. Памела почти не сомневалась, что рядом со звонком было приклеено короткое объявление. Там было написано: “Пожалуйста, звоните один раз”.

Через минуту из-за перегородки, разделявшей регистратуру надвое, появилась администратор. Ее звали Линда, и Памеле она часто казалась чересчур чопорной.

– Чем могу помочь? – спросила она сухо.

– Я хочу видеть доктора Джа. Сейчас же! – сказала женщина, повышая голос.

– У вас есть запись?

– Нет, я просто хочу ее увидеть.

Без записи на это не было ни малейшего шанса – Памела это знала. Последнее окно на день она забронировала онлайн. Она всегда старалась выбирать самое позднее время, чтобы доктор не торопилась с ее десятью минутами, прикрываясь тем, что в очереди ждут другие пациенты. Когда она записывалась через Линду, та всегда пыталась подсунуть ей более ранний прием. И в одном Памела была совершенно уверена: женщину, стоявшую сейчас перед Линдой, ждал холодный отказ. И она не ошиблась.

– Вы у нас зарегистрированы?

– Я хочу видеть доктора Джа.

– Когда вы зарегистрируетесь у нас, сможете записаться к одному из наших врачей.

– Я имею право попасть к доктору Джа. Я в списке Национальной службы здравоохранения.

Памела прищурилась и внимательнее присмотрелась к женщине. Так и есть. Дыры на джинсах были не данью моде, а результатом износа. Памела могла бы и сама заштопать их, но сомневалась, что женщина сказала бы ей спасибо.

– Я могу дать вам необходимые бланки для заполнения, или вы можете зарегистрироваться онлайн.

Голос Линды звучал монотонно, и Памела с трудом могла вспомнить, чтобы он когда-либо был другим.

– Это срочно.

– В каком смысле?

Женщина не ответила. Вместо этого она отступила на шаг и начала беспокойно ходить взад-вперед по зоне регистрации.

– Если у вас неотложное состояние, советую обратиться в отделение неотложной помощи в Ортоне.

– А если мне нужен рецепт?

– В больнице вам с этим помогут.

Женщина ничего не сказала. Аргументы для спора с Линдой кончились.

– Вот бланки, если хотите у нас зарегистрироваться. – Администратор протянула бумаги.

Памеле понадобилось мгновение, чтобы осознать, что произошло дальше. Еще секунду назад женщина тянулась вперед, чтобы вырвать бланки из руки Линды, а в следующую уже схватила администраторшу за запястье и прижала ту головой к стойке.

– Я хочу видеть доктора Джа! – закричала женщина.

Глава 6

Памела дернулась, увидев, как слюна женщины брызнула Линде на щеку. На другом конце зала ожидания мужчина, приехавший на синей машине, уже убрал телефон, но вмешиваться пока не стал.

– Мне кажется, надо что-то сделать, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал одновременно вежливо и твердо. Мужчина был еще нестарый, лет сорока с небольшим. На миг Памела даже задумалась, зачем он здесь – выглядел он совершенно здоровым, – но тут же заставила себя вернуться к происходящему. – Линде нужна помощь, – добавила она, пытаясь придать голосу настойчивость.

Мужчина поднялся на ноги, но лишь встал в дверях, заслонив Памеле обзор. Она переместилась ему за спину. Уже собиралась подтолкнуть его вперед, к драке, как по всей клинике разнесся пронзительный сигнал тревоги. Свободной рукой Линда дотянулась под стойку регистратуры и нажала тревожную кнопку. Женщина тут же отпустила ее и, пошатнувшись, отступила назад от неожиданности.

– Я хочу видеть доктора Джа! – снова крикнула женщина, перекрывая вой сирены.

Лицо у нее пылало, и Памела решила, что женщина, должно быть, наркоманка. Она читала о миллионах подсевших на обезболивающие американцев, и была уверена, что однажды то же самое случится и в Лондоне. Она даже сама сократила дозу, принимая на ночь всего полтаблетки нурофена – просто на всякий случай.

– Полиция уже едет, – ответила Линда спокойным голосом. Какие бы стычки у них ни случались в прошлом, сейчас Памела могла лишь восхищаться ею.

Упоминание полиции, похоже, подействовало. Женщина еще мгновение яростно смотрела на Линду, а потом бросилась к выходу. Но, почти добежав до двери, споткнулась. И сильно ударилась рукой о застекленную дверь. Одно стекло разбилось. Памела невольно поморщилась, увидев, как женщина вытаскивает окровавленную руку обратно через осколки, раздирая кожу. Но та не остановилась: просто рванула дверь на себя и умчалась.

Линда наклонилась за стойку и выключила сигнализацию.

– Мне пойти за ней? – нерешительно спросил мужчина.

– Не стоит, – ответила Линда. – Она у нас на камерах.

Дверь кабинета доктора Джа открылась.

– Линда, что происходит?

– Все в порядке. Ничего необычного.

Памела не сумела скрыть удивления. Если это – ничего необычного, значит, ей стоит почаще заходить в клинику.

– Вы уверены? – спросила доктор Джа.

– Я возьму щетку и уберу стекло. – Линда пересекла зону регистратуры и распахнула дверцу углового шкафчика. – Сегодня вечером пришлют кого-нибудь поставить новое.

– Что случилось? – спросила доктор Джа, остановившись рядом со стойкой регистратуры.

– Какая-то наркоманка требовала рецепт. По дороге к выходу запуталась в собственных ногах. Уверена, в приемном отделении ей дадут все, что нужно.

Доктор Джа покачала головой и через мгновение повернулась к Памеле.

– Миссис Катберт, как приятно вас видеть. Не хотите пройти?

Следуя за доктором Джа в кабинет, Памела обернулась и посмотрела на Линду. Ее спокойствие в кризисной ситуации вызывало у нее только восхищение. Но вот в способностях регистраторши верно оценивать происходящее Памела уже сомневалась. Женщине был нужен не рецепт – она хотела поговорить с доктором Джа лично.

Глава 7

Я потягиваю кофе, сидя на диване в глубине нашей кухни. Ссутулившись над ноутбуком, просматриваю несколько статей, которые сегодня вечером предстоит выложить на наш новостной сайт. Вечерний свет меркнет, и я тянусь назад, чтобы включить лампу над головой.

Сэм смотрит на часы.

– Мне пора. По пятницам вечером в “Крикетерс” дают фиш-энд-чипс.

На кухню заходит Дэни.

– Точно не хочешь остаться и поужинать с нами?

Сэм качает головой.

– Меня уже ждут в пабе.

– Бен будет готовить.

Я отрываю взгляд от экрана, но ничего не говорю.

– Звучит заманчиво, конечно, но мне все-таки пора. Сразу после бара заеду к Мадлен.

Он встает, а Дэни садится рядом со мной.

– Бен, уже почти шесть, а ты все еще пьешь кофе. Не представляю, как тебе это удается.

– Последняя чашка за день.

– Ты же потом не уснешь.

– Зато смогу составить тебе компанию.

Она смеется, и ее ярко-голубые глаза загораются. За последние два месяца ей редко удавалось поспать больше пары часов подряд, чтобы ребенок ее не разбудил. Как ей при этом удается сохранять такое хорошее настроение, я не знаю. Я закрываю ноутбук.

– Есть еще что-нибудь в ответ на статью?

– Шестьсот тринадцать комментариев, – говорит Сэм, поднимая телефон. – Сегодня ночью все прочитаю.

– Помни про терпение, – говорю я.

Дэни кладет подбородок мне на плечо.

– Что у нас на ужин?

– Я зашел в рыбную лавку в Сент-Марнеме и купил креветок. Могу соорудить салат.

– И все?

– Так, мне точно пора, – говорит Сэм, подмигивая Дэни.

– А как насчет тех пирогов, что занесла Памела? – спрашивает она.

– Которые с курицей и беконом?

– Ну да, вот это уже другое дело.

– И с картофельным пюре? – добавляет Сэм.

– Ты вроде уходить собирался, – замечаю я.

В нашу входную дверь стучат.

– Я открою, – говорит Дэни. – Не хочу задерживать твои приготовления к ужину.

Из прихожей я слышу, как Дэни и Сэм здороваются, а затем узнаю голос Умы Джа. Сэм говорит ей, что уже уходит.

– Можете задержаться на пару минут? – спрашивает она. – Мне кажется, вам стоит это увидеть.

Услышав тревогу в ее голосе, я быстро выхожу в прихожую.

– Ума, – говорю я, – что случилось?

– Кто-то оставил это под дворником моей машины. Я нашла это сегодня днем.

Она протягивает мне сложенный клочок бумаги.

Перестань задавать вопросы, пока еще можешь.

Не повторяй ошибку своей матери.

Я сразу замечаю тревогу на лице Дэни.

– Вы никого не видели возле машины? – спрашивает она.

– Никого.

– Помните, когда в последний раз ездили на ней?

– Во вторник днем. Я заезжала в Ортон повидать отца.

Дэни поворачивается ко мне.

– А твоя статья вышла в “Ричмонд таймс” в среду, так?

– Да, – вмешивается Сэм, прежде чем я успеваю ответить. – Прошло сорок восемь часов, и это первая серьезная реакция. Кто-то явно занервничал.

– Может, это просто ерунда, – говорит Ума.

– Нет, не ерунда, – отвечает Сэм. – Мы застали кого-то врасплох, и теперь этот кто-то себя выдал. Это может привести нас к настоящему прорыву.

Я слышу в его голосе возбуждение, и Дэни тоже.

– Не уверена, что это так уж хорошо, – говорит она, а затем поворачивается к Уме. – Вам нужно быть осторожнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.